

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-361-367

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ НОРМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПЦИЯ «НОРМАЛЬНОЙ АНОМИИ»*

**Рецензия на книгу: «Нормальная аномия»
в России и современном мире / Н.Н. Зарубина и др.;
под общ. ред. С.А. Кравченко.
М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.**

Наряду с несомненным прогрессом в области технологий, образования, информационной открытости, обеспечивающих людям более долгую, здоровую и качественную жизнь, нынешнее развитие мировой глобализации привело к *турбулентности социума*, чему специально была посвящена Десятая конференция Европейской социологической ассоциации [5]. В современном мире возникли принципиально новые вызовы и угрозы для общественной стабильности [7; 11]. К числу такого рода вызовов можно отнести турбулентность норм — по сути, характерной чертой современных обществ стала перманентная *нормативная неопределенность*, в реальной жизни ведущая к резкому увеличению скандалов и провокаций как на мировом уровне, так и в повседневной жизни людей [1; 10].

Данное новое состояние социума С.А. Кравченко предложил концептуализировать как «*нормальную аномию*» [3; 4]. Под его руководством авторский коллектив выпустил в свет фундаментальную коллективную монографию, в которой глубоко и всесторонне исследуется динамика аномии как патологических форм общества, показывается их историческая и культурная контекстуальность, раскрываются и анализируются социологические подходы к интерпретации их природы.

Аномия, как показал еще Э. Дюркгейм, означает состояние общества, характеризующееся «патологическими» формами социальных фактов, которые противопоставляются «нормальным» формам социальных фактов, встречающимся в большинстве типов социальных отношений и поведения людей. В качестве главного фактора возникновения аномии социолог усматривал рассогласование традиционных и индустриальных идеалов, веря в то, что «наука может помочь нам отыскать направление, в котором мы должны ориентировать наше поведение, определить идеал» [2. С. 41]. Однако аномия предрасположена к «мутации», качественно изменяется с усложнением общества — в традиционных, индустриальных и современных обществах аномия проявляется по-разному, имеет свои отличительные черты и последствия.

Р. Мертон мыслил аномию как следствие нефункциональности и дисфункциональности институтов общества, в результате чего возникают противоречия

* © Назарова Е.А., 2018.

между культурными целями, ориентирующими людей на успех, и институциональными средствами, предоставляющими «приемлемые способы достижения этих целей» [6. С. 118].

Сегодня аномия, несомненно, включающая в себя проявления прежних форм социальных патологий, обретает иную, более сложную природу. Представляется обоснованным особое внимание, которое уделяется «концу определенности» [17], возрастанию турбулентности социальных и природных явлений, проявляющихся в естественности разнообразных парадоксов [13], кентавризмов [12], в моральной слепоте [15], что в итоге обусловило необходимость «переоткрытия» аномии. Исследователи выдвигают и обосновывают тезис о том, что если раньше аномия носила исторически преходящий характер, то ныне она стала *нормой* жизни [8. С. 6]. В современном мире очевидна дисперсия ценностных ориентаций и референтов, норм и правил, которые в разной степени одобряются и принимаются сообществами, что необходимо учитывать при анализе ситуаций в разных сферах жизнедеятельности и брать за основу при разработке стратегий развития общества.

Вполне оправдано, что в монографии акцент сделан на изучении социальных полей, в которые прежде всего входит молодежь. Книга адресована студентам и аспирантам, однако будет интересна преподавателям и специалистам, так как в ней можно увидеть попытку объяснить и предложить через познание, осмысление и понимание конструктивное решение проблем взросления индивида, его вхождения в современный усложняющийся мир, открывающий вселенную неопределенностей, вызовов, угроз и рисков. Для молодых людей особую проблему представляет «ничто» — возникающие под влиянием процессов глобализации и десоциализации социальные формы, «лишенные определенного ценностного содержания», в которых человеческие отношения дегуманизируются [18. Р. 3]. Авторы ставят вопрос, как в многообразии культурных артефактов увидеть «ничто» и отличить его от уникального «нечто», понять значимость сущностного контента, которым наделяются действительно важные элементы, предопределяющие не только наш повседневный выбор, но и наше поведение, жизненные установки и устремления.

Принимая во внимание объективные факторы глобального порядка, к которым П. Штомпка относит *становление* — перманентное, незавершающееся структурно-функциональное обновление институтов [19], понятна необходимость не только понимания угроз и последствий этих процессов, но и выстраивания индивидуальных стратегий выживания в мире «нормальной аномии».

Увы, оптимизма рефлексия сегодня не добавляет: социальные изменения проходят в форме культурной травмы, имеет место плюрализация социального времени, виртуализация реальности и реализация виртуальности, макдональдизация всех сфер жизни общества, включая образование, здравоохранение, семейные отношения и т.д. Однако раскрытие природы происходящих процессов вселяет надежду на формирование альтернативных социальных сил, способных минимизировать пагубные последствия «нормальной аномии». Осознание того, что живешь

в «не-месте», потребляешь «не-вещи» и «не-еду» (М. Фуко, Ж. Бодрийяр), окружен «не-людьми» (И. Гоффман, Дж. Ритцер, З. Бауман), переживаешь «не-события» (Ж. Бодрийяр), вызывает желание поиска альтернативной, «действительной реальности», особенно у критически мыслящих людей, имеющих о современных социальных патологиях достаточно глубокие знания. Однако в зоне риска пока остаются целые поколения, рожденные и взрослеющие на турбулентных нормах «нормальной аномии».

Значит ли это, что рискофобия становится спасением и может реанимировать привычные нормы и ценности? Где грани здравого восприятия происходящих в обществе изменений? Ответы на эти и множество других вопросов относительно стратегий противостояния массовому производству «текущего страха» (З. Бауман) можно найти во второй главе монографии. Если рискофобия, зародившаяся в эпоху индустриального модерна, изначально проявлялась в восприятии личностных и промышленных рисков, то в период второго, рефлексивного модерна, в условиях глобализации и децентрализации риски несоизмеримо усложняются, возникают перманентные уязвимости. Вместе с тем сложные риски при адекватном подходе могут стать фактором свободы, «демократизации демократии» (Э. Гидденс). Умение ориентироваться в природе, многообразии рисков и видеть их латентные, отложенные последствия позволяет избегать гипертрофированных форм рискофобии и не впадать в рискофилию, которая рассматривается авторами монографии как естественная составляющая «нормальной аномии». Новый социальный тип «человек риска» культурно предрасположен к рискофилии, и социальная мотивация таких людей — принадлежность к «креативным, сильным духом и телом, избранным», риск ими воспринимается не только как благо, но как некое достоинство, формирующее символическое достоинство. Такие молодые люди в современном обществе появляются все чаще, но их действия амбивалентны: по своим последствиям они могут быть как функциональны, так и дисфункциональны для общества. Именно сосуществование в современном обществе как практик избегания (рискофобия), так и добровольного принятия риска (рискофилия) говорит об усложнении «нормальной аномии» [8. С. 66].

Одним из проявлений «нормальной аномии» являются разрывы преемственности ценностных и нормативных оснований общества, зачастую обусловленные разницей восприятия неопределенностей, рисков и угроз представителями разных поколений. В третьей главе авторы рассматривают турбулентность и подвижность нравственных стандартов в социализации российской молодежи.

Основываясь на результатах эмпирических исследований Фонда «Общественное мнение» и экспертных оценках [9; 14], Н.Н. Зарубина отмечает, что однозначные нравственные ориентиры уходят в прошлое, уступая место мультиморальности как признанию за людьми права жить по их собственным нравственным принципам, отличающимся от общепринятых [8. С. 80—104]. «Нормальной аномии» она противопоставляет этику ответственности и справедливо задает вопрос о том, какова перспектива принятия этики ответственности российской молодежью, если основные факторы ее формирования — институциональные и со-

циокультурные — также подвержены «нормальной аномии». Инфантилизация молодежи — результат влияния модернизированных основных агентов социализации — семьи, перекладывающей свои социализирующие функции на средства массовой коммуникации, системы образования, претерпевающей постоянные «усовершенствования», которые касаются технологических аспектов и зачастую упускают из поля зрения самого ребенка. Внимание подрастающего поколения сосредотачивается не на дифференциации Добра и Зла, а на ярких, динамичных, примитивных по сути и содержанию, но вызывающих позитивные ощущения медийных продуктах. Результат инфантилизации — утрата ответственности как неотъемлемого качества взросления индивида, что сказывается и на жизненных стратегиях молодежи: осуществляется выбор в пользу наиболее «окупаемых» и востребованных работодателем профессий в сфере бизнеса, который и сам склонен к отступлению от ответственных практик в силу преобладания эгоистических ориентаций [8. С. 101]. Таким образом, этика ответственности усваивается молодым поколением в виде ответственности за свое собственное благополучие и жизненный успех, а не за будущее страны и человечества.

Пожалуй, наибольший резонанс «нормальная аномия» внесла в понимание семьи как социального института и «ячейки общества». Ведь из всех перемен, происходящих в мире, важнее всего те, что затрагивают нашу личную жизнь.

А.В. Носкова обосновывает актуальность применения концепции «нормальной аномии» для изучения семейных проблем, рассматривая современную семью и как ресурс благополучия, и как источник риска для общества. Уход от универсальных норм-регуляторов семейного поведения неизбежно влечет аномичные последствия в других сферах — демографической, экономической, политической и т.д. Возрастает опасность, что скоро некому и незачем будет объяснять, «что такое хорошо и что такое плохо». Сегодня происходит переформатирование представлений о сущности семьи и брака в сознании молодых людей, а установки на бездетность воспринимаются нормальными, что снижает социальную ответственность и способствует реализации свободы [8. С. 120—123]. Усиление рисков и уязвимостей социализации в условиях «нормальной аномии» предполагает большую включенность в этот процесс семьи, более плотный эмоциональный, моральный, когнитивный и физический контакт между членами этой «ячейки общества». Однако дигитализация нашей жизни стимулирует замену непосредственных контактов опосредованными, приводит к «дистанцированию любви» [16], формализации и утрате актуальности этой малой социальной группы.

Весьма интересен подход авторов к социальным группам как определенным «перформансам», имеющим демонстративный характер — когда символы принадлежности к группе более значимы, чем принципы идентификации с ней [8. С. 150—193].

Не обошла «нормальная аномия» и, казалось бы, устойчивую сферу — финансовую [8. С. 177—220]. Вполне естественное стремление человека к благополучной, обеспеченной жизни сегодня сталкивается с большим количеством практически непреодолимых препятствий, таких как экономический кризис, спад производства,

инфляция, безработица и т.д., что неминуемо сказывается на восприятии денег как мифологизированного средства решения всех жизненных проблем, универсального мерила достоинства, состоятельности и успешности личности. В постмодернистской российской мифологии модернистский миф денег-божества, денег-универсума трансформировался в миф денег-стихий, самостоятельной энергетической сущности, которая существует автономно от человека, а те, кто научился управлять этой сущностью, якобы владеют миром. Как альтернатива мифологизации денег выступает тенденция их «уничтожения» (деньги как «ничто» — введение в оборот виртуальных денег, электронной валюты, отказ от наличных платежей и т.д.).

Весьма интересна позиция авторов по поводу влияния «нормальной аномии» на религиозную сферу, межконфессиональные взаимодействия в рамках государственных отношений и религиозных установок [8. С. 220—252]. Казалось бы, изначально традиционная и традиционалистская сфера претерпевает серьезные изменения в форме дисперсии религиозных этик и идей, что проявляется в межконфессиональных противостояниях, усилении террористической угрозы, радикализации религиозных взглядов. Государственное регулирование конфессиональных отношений авторы рассматривают через призму двух тенденций — «политизация религии» и «религизация политики».

Завершающий раздел монографии оправданно отдан интернет-пространству — как альтернативной, а зачастую уже и основной среды жизнедеятельности современной молодежи и сферы профессиональной деятельности большого количества социальных групп и институтов.

Возможно, заинтересованный читатель не найдет исчерпывающие ответы на все затронутые в книге вопросы, но важно то, что они пробуждают критическую мысль. Реалии турбулентного современного общества устойчивы, их надо изучать, чтобы выработать эффективные и адекватные средства жизни в условиях «нормальной аномии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал. Социофилософские очерки. М., 2015.
- [2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- [3] *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3.
- [4] *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8.
- [5] *Кравченко С.А.* К итогам X Конференции ЕСА // Социологические исследования. 2012. № 3.
- [6] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.
- [7] *Назаров А.Д.* Этномиграционные угрозы и вызовы вокруг и внутри современной России // Новые вызовы и угрозы стабильности в России — прогноз и меры по их нейтрализации и противодействию. М., 2015.
- [8] «Нормальная аномия» в России и современном мире / Н.Н. Зарубина и др.; под общ. ред. С.А. Кравченко. М., 2017.

- [9] Овсянников А.А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1.
- [10] Провокация: сферы коммуникативного проявления / Под ред. А.В. Дмитриева. М., 2016.
- [11] Тощенко Ж.Т. Общества травмы // Независимая газета. 23.01.2018.
- [12] Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М., 2011.
- [13] Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008.
- [14] Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013.
- [15] Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge; 2013.
- [16] Beck U., Beck-Gernsheim E. Distant Love: Personal Life in the Global Age. Cambridge, 2014.
- [17] Prigogine I. The End of Certainty. N.Y., 1997.
- [18] Ritzer G. The Globalization of Nothing. University of Maryland, 2004.
- [19] Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-361-367

TURBULENT NORMS OF CONTEMPORARY SOCIETY: THEORY OF “NORMAL ANOMIE”*

**Review of the book: “Normalnaya anomiya”
v Rossii i sovremennom mire [“Normal Anomie”
in Russia and Contemporary World]. N.N. Zarubina i dr.;
pod obsch. red. S.A. Kravchenko.
Moscow: MGIMO-University, 2017. 281 p.**

REFERENCES

- [1] Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Skandal. Sociofilosofskie ocherki* [Scandal. Social-philosophical Essays]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [2] Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [3] Kravchenko S.A. “Normalnaya anomiya”: proizvodstvo “nichts” [“Normal anomie”: The production of “nothing”]. *Sociologicheskaya Nauka i Socialnaya Praktika*. 2015: 3 (In Russ.).
- [4] Kravchenko S.A. “Normalnaya anomiya”: kontury kontseptsii [“Normal anomie”: The contours of the concept]. *Socologicheskie Issledovaniya*. 2014: 8 (In Russ.).
- [5] Kravchenko S.A. K itogam X Konferentsii ESA [The results of the Xth Conference of the ESA]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2012: 3 (In Russ.).
- [6] Merton R. Socialnaya teoriya i socialnaya struktura [Social theory and social structure]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 1992: 2 (In Russ.).
- [7] Nazarov A.D. Etnomigratsionnye ugrozy i vyzovy vokrug i vnutri sovremennoj Rossii [Ethnic-migration threats and challenges around and within contemporary Russia]. *Novye vyzovy i ugrozy stabil'nosti v Rossii — prognos i mery po ih neitralizatsii i protivodejstviyu*. Moscow; 2015 (In Russ.).

* © Nazarova E.A., 2018.

- [8] “*Normal'naya anomiya*” v Rossii i sovremennom mire [“Normal Anomie” in Russia and Contemporary World]. [N.N. Zarubina i dr.; pod obsch. red. S.A. Kravchenko. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [9] Ovsyannikov A.A. Novoe pokolenie: dolgaya doroga v poiskah novyh idealov i smyslov zhizni [New generation: A long road in search of new ideals and meanings of life]. *Sociologicheskaya Nauka i Socialnaya Praktika*. 2015: 1 (In Russ.).
- [10] *Provokatsiya: sfery kommunikativnogo proyavleniya* [Provocation: Spheres of Communicative Manifestation]. Pod red. A.V. Dmitrieva. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [11] Toschenko Zh.T. Obschestva travmy [Societies of trauma]. *Nezavisimaya Gazeta*. 23.01.2018 (In Russ.).
- [12] Toschenko Zh.T. *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sociologicheskogo analiza)* [Centaur-Problem (Philosophical and Sociological Analysis)]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [13] Toschenko Zh.T. *Paradoksalnyj chelovek* [Paradoxical Man]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [14] Sheregi F.E. *Rossiyskaya molodezh: nastroyenie, ozhidaniya, tsennostnye orientatsii* [Russian Youth: Mood, Expectations, and Value Orientations]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [15] Bauman Z., Donskis L. *Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. Cambridge; 2013.
- [16] Beck U., Beck-Gernsheim E. *Distant Love: Personal Life in the Global Age*. Cambridge; 2014.
- [17] Prigogine I. *The End of Certainty*. New York; 1997.
- [18] Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. University of Maryland; 2004.
- [19] Sztompka P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge; 1991.